
Диалог науки и власти: от миграционной теории к миграционной политике. Часть II: воссоединение

П.П. ЛИСИЦЫН*

***Павел Петрович Лисицын** – кандидат социологических наук, доцент, кафедра сравнительной социологии, Санкт-Петербургский университет, Санкт-Петербург, Россия, fox_sociology@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8617-5730>

Цитирование: Лисицын П.П. (2024) Диалог науки и власти: от миграционной теории к миграционной политике. Часть II: воссоединение // Мир России. Т. 33. № 4. С. 6–22. DOI: 10.17323/1811-038X-2024-33-4-6-22

Аннотация

Настоящая статья является продолжением текста, первая часть которого была опубликована в № 3 за 2024 г. и посвящена проблемам и противоречиям, возникающим в процессе диалога науки и власти по вопросам миграции.

Во второй части будут рассмотрены мифы и стереотипы о миграции и миграционной политике, основанные на проблемах диалога между наукой и властью. Представленный анализ, опираясь на результаты современных исследований (А. Портес, С. Кастлз, Д. Мэсси, Н. Глик-Шиллер, С. Сассен), предлагает альтернативу доминирующим сегодня в российской политике научным идеям о миграции конца XX века, описанным М. Тодаро, О. Старком и М. Пиоре, а также их российскими последователями. Таким образом, полный текст исследования, представленный в предыдущем и текущем номерах журнала, ознакомит читателя с анализом факторов, влияющих на качество диалога между учеными и властью, и завершится десятью предложениями, направленными на повышение его эффективности.

Ключевые слова: миграция, миграционная политика, циркуляционная миграция, коэффициент распространенности миграции, эффект колеи, мифы и стереотипы о миграции

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00467, <https://rscf.ru/project/24-28-00467/>

Статья опубликована в рамках проекта НИУ ВШЭ по поддержке публикаций авторов российских образовательных и научных организаций «Университетское партнерство».

Статья поступила в редакцию в июле 2023 г.

Стереотипы о миграции и миграционной политике

Сложности, присущие диалогу науки и власти (подробно описанные в первой части текста [Лисицын 2024]), во многом способствуют появлению временного разрыва между построением миграционных теорий и попытками их практической реализации. Увеличивает этот разрыв и общее свойство социальных теорий «становиться широко признанными в то время, когда явления, которые они объясняли, уже давно эволюционировали» [Portes, Böröcz 1989, p. 606]. Результатом этого является текущая миграционная политика России, Европы или Северной Америки, которая в своих попытках регулировать миграцию ошибочно опирается на устаревший концептуальный аппарат неоклассической экономики, направляя все силы на повышение издержек и снижение выгод от процесса миграции [Шорохова 2019; Massey 2003, p. 27].

Проблемы, свойственные диалогу науки и власти, формируют ощущение миграционных теорий как первопричин ошибочных прогнозов или даже провалов миграционных политик. Это в свою очередь приводит к снижению выделенного обществом и властью кредита доверия к социальным исследованиям в целом, что не в последнюю очередь влияет на поддержание стереотипов о миграции и миграционной политике.

Миграция как рациональный выбор

Сегодня в общественном и политическом пространствах существует устойчивое убеждение, что миграция является результатом индивидуальных экономических решений, регулируемых структурным законом спроса и предложения [Шорохова 2019]¹. Этот тезис, появившийся в работах авторов конца XIX – начала XX вв. [Stouffer 1940; Lewis 1956], к середине XX в. благодаря популярности исследований неоклассической школы [Stark, Bloom 1985] стал основой восприятия миграционного поведения и попыток его регулирования национальными государствами. Между тем современные исследования причин миграции определяют ее как самоподдерживающийся процесс, все меньше зависимый от внешних факторов [Wassink, Massey 2022]. В основе этого определения лежит способность миграции создавать социальную структуру для своего существования [Massey 1990, p. 69], что с течением времени приводит к снижению влияния факторов, первоначально ее стимулировавших.

Различаясь в своем начале в зависимости от специфики региона, современная миграция, не взирая на обстоятельства, продолжает свое развитие через распространение социальных сетей. Под социальными сетями в данном случае понимается совокупность межличностных связей, объединяющих вместе мигрантов, бывших мигрантов и немигрантов в районах происхождения и назначения посредством родства, дружбы и общего происхождения [MacDonald J.S., MacDonald L.D. 1974].

¹ Киселева А. (2023) Часть трудовых мигрантов может покинуть Россию из-за ослабления рубля // Ведомости. 15 августа 2023 // <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/08/15/990094-chast-trudovih-migrantov-mozhet-pokinut-rossiyu?ysclid=loqxlmokdc905647116>, дата обращения 15.10.2023.

Объем этих социальных сетей рассматривается как разновидность социального капитала [Castles, Loughma 2003, p. 22].

Многочисленные современные исследования подтверждают существование зависимости объемов миграции от распространенности социальных сетей. Например, анализ миграции из Мексики в США позволил выделять пять характеризующих ее этапов. Первый этап предполагает участие в перемещениях не более 10% членов отправляющего сообщества: в этом случае миграция продолжается без увеличения численности длительное время и состоит преимущественно из мужчин. Второй этап наступает, когда 10–19% населения приобретают опыт миграции: начиная увеличиваться быстрыми темпами, миграция все еще продолжает оставаться мужской прерогативой. На третьем этапе в миграции задействовано 20–29% населения: в таком варианте замедляется миграция мужчин при одновременном увеличении женской миграции. Четвертый этап наступает при распространенности миграционного опыта на 30–39% населения: в это время ускоряется миграция женщин при стабильной миграции мужчин, что приводит к массовой миграции, характеризующей пятый этап, с общей распространенностью выше 40%. Он предполагает показатели миграционного опыта среди мужчин и женщин отправляющего сообщества 80 и 30% соответственно. Таким образом, постепенно создается ситуация, когда практически все, кто остался на родине, связаны либо с кем-то, живущим за границей, либо с кем-то, имеющим значительный зарубежный опыт. Как следствие, социальные сети достигают точки насыщения, при которой с каждым новым участником затраты на миграцию перестают уменьшаться, что в свою очередь снижает и ее собственный динамический рост [Wassink, Massey 2022].

Разрастаясь, такие социальные сети приобретают формальных агентов, создавая «индустрию миграции», состоящую из людей, зарабатывающих на жизнь организацией миграционных перемещений. Помимо легальных предприятий, таких как туристические агентства, банковские организации, агентства по подбору персонала, юридические фирмы, эта индустрия также включает в себя контрабандистов, посредников, требующих грабительскую плату за несуществующие работы, нечистоплотных полицейских, бюрократов [Мухачев, Светлаков 2019; Castles, Loughma 2003 p. 22].

Подобное распространение миграции приводит к тому, что общества происхождения и назначения становятся частью транснациональных сетей – социальных и географических пространств, которые возникают в результате постоянной циркуляции людей, денег, товаров и информации. В этом случае сообщества мигрантов часто приобретают культурную автономию как от принимающей, так и от отправляющей стороны. Объединяя идеологии, практики, ожидания и политические претензии обоих обществ, эти транснациональные сообщества создают свою собственную культуру, которую еще в 1990-х гг. охарактеризовали как «культуру миграции» [Rouse 1992].

Таким образом, начиная с 1990-х гг. и вплоть до сегодняшнего дня миграция представляется более сложным процессом, чем простой результат индивидуальных экономических решений, регулируемых структурным законом спроса и предложения. Воспроизводя саму себя по социальным каналам, она постепенно становится независимой от внешних условий [Zenteno, Suro 2021; Woodruff, Zenteno 2007], вынуждая и исследователей, и представите-

лей власти признать, что «если только по какой-либо причине был инициирован миграционный поток, он имеет тенденцию к сохранению и росту» [Massey, Zenteno 1999, p. 5328].

Успех политики развития и политики ограничений

Оценивая миграцию как самоподдерживающийся процесс, отдельно следует обратить внимание на две попытки снижения ее темпов, обсуждения которых усилились в России в последние несколько лет: имеются в виду политика развития и политика ограничений. Первая основана на трансформации рабочего процесса за счет переноса рабочих мест из принимающих в отправляющие регионы [Castles 2009, p. 13], вторая предполагает возведение существенных преград для миграционного перемещения.

Ставя целью сокращение объемов миграции за счет увеличения спроса на труд в местах исхода, в общественном и политическом восприятии политика развития рассматривается как логичная и обоснованная². Между тем еще в 2006 г. Х. де Хас высказывал мнение, что существуют два фактора, «обрекающие такие меры сдерживания на провал» [De Haas 2006, p. 58]. Во-первых, спровоцированная переносом пространственная разобщенность офисов и заводов формирует потребность в новой рабочей силе не только в регионах-донорах, но и регионах-реципиентах за счет необходимости увеличения центрального аппарата их управления и обслуживания. Концентрируясь в крупных городах принимающих регионов (Токио, Нью-Йорк, Лондон, Гонконг, Сидней, Москва), расширяющиеся управленческие структуры создают новый спрос сначала на высококвалифицированный труд, а с течением времени и на низкоквалифицированный, направленный на обслуживание потребностей таких специалистов, создавая условия для джентрификации [Горбачевская 2021]. Во-вторых, предполагаемое экономическое развитие отправляющих регионов неизбежно разрушает сложившуюся социально-экономическую систему ввиду замены капитала рабочей силой, интенсификации процессов приватизации и консолидации землевладения, а также формирования новых рынков. Для большого числа сельских жителей эти изменения означают ослабление связи с землей, общиной, привычной жизнью, превращая их в новый источник как внутренних, так и внешних мигрантов.

Таким образом, скрытыми результатами политики развития становятся увеличение спроса на труд в регионах-реципиентах и увеличение количества потенциальных мигрантов в регионах-донорах. В результате нивелируется эффективность явного результата политики развития (увеличение спроса на труд на местах исхода) для сдерживания миграционных потоков. Кроме того, часто подвергается критике и принцип, согласно которому повышение уровня жизни или снижение уровня насилия (как следствие борьбы с безработицей) могут уменьшить объемы

² Гармоненко Д. (2023) Парламентские партии возобновили антимигрантскую риторику // Независимая газета. 3 октября 2023 // https://www.ng.ru/politics/2023-10-03/1_8842_migrants.html; Больше надзирателей, с погонами и без оных! (2023) // За-Строй РФ. 17 августа 2023 // <https://zsrfg.ru/news/2023/08/17/bolshe-nadzirajuschih-s-pogonami-i-bez-onyh>; Фалалеев М. (2021) Какие угрозы несет неконтролируемая миграция (2021) // Российская газета. 12 сентября 2021 // <https://rg.ru/2021/09/12/kakie-ugrozy-neset-rossii-nekontroliruemaia-migraciia.html>, дата обращения 15.10.2023.

миграции. Например, еще в конце XX в. З. Бауман утверждал, что быть мобильным – это право глобальной элиты, в то время как бедные должны оставаться дома [Bauman 1998].

В свою очередь политика ограничений, также направленная на снижение миграции, включает в себя ужесточение санкций за нарушения миграционного законодательства и повышение издержек участия в миграционном процессе. В сегодняшнем российском миграционном дискурсе найдется множество примеров официальных заявлений, призывающих к введению такого рода ограничительных мер. «К важным целям миграционной политики, – отмечает в своем выступлении управляющий директор РСПП, – относится <...> ограничение краткосрочной миграции» [Калашиников 2018, с. 49], или: «запрет привлечения [части – прим. автора] иностранных рабочих <...> необходим, чтобы развитие рынка труда носило прогнозируемый и регулируемый характер» [Калашиников 2018, с. 17].

Несмотря на то, что степень эффективности этой политики может варьироваться от страны к стране, современные исследования в качестве ее следствия все чаще фиксируют не уменьшение, а увеличение количества мигрантов на принимающей территории³. Связано это с тем, что вместо ожидаемого снижения количества въездов предпринятые меры сокращают количество возвращений [Massey 2004, p. 211], суммарно увеличивая число приезжих на принимающей территории.

Постоянный характер миграции

Ошибочное представление об эффективности политики ограничений при регулировании миграции во многом связано с ложным представлением о современных мигрантах как о людях, «покидающих свои дома навсегда» [Massey, Akresh 2006, p. 954]⁴. Исследования, в том числе на территории СНГ, демонстрируют наибольшую частоту циклических перемещений. Росту таких перемещений между государствами способствует развитие транспортных и финансовых сетей, возможностей, предоставляемых технологиями удаленного общения [Meehan et al. 2022]. Более того, недавние исторические исследования подвергают сомнению сам факт массового существования постоянных переселенцев после середины XIX в., объясняя фиксируемое год от года увеличение цикличности в миграционных перемещениях не расширением количества возвратной миграции, а увеличением темпов циркуляции [Massey, Akresh 2006, p. 954].

Таким образом, недавние исследования предполагают, что современную миграцию можно представить как постоянный поток на «улице с двусторонним движением» [Massey, Akresh 2006, p. 954]. В этой трактовке она вряд ли сочетается с задачами, поставленными, например, председателем Законодательного собрания Приморского края, призывающего разработать программы для постоянного

³ Стена Трампа, почему она только увеличит нелегальную миграцию в США (2019) // Научно-образовательный портал IQ // <https://iq.hse.ru/news/244542073.html>, дата обращения 15.10.2023.

⁴ В Россию навсегда: почему трудовые мигранты решают остаться? (2020) // МИР24. 9 октября 2020 // <https://mir24.tv/news/16429598/v-rossiyu-navsegda-pochemu-trudovye-migranty-reshayut-ostatsya-v-drugoi-strane>, дата обращения 15.10.2023.

переселения мигрантов: «Нам нужны не временные рабочие руки, а люди, которые придут к нам жить навсегда» [Калашиников 2018, с. 39].

Массовая миграция как предвестник перемен

В общественных и политических дискуссиях существует убеждение, что миграция является причиной существенных изменений в социальных структурах принимающих и отправляющих обществ [Шустов 2020]. В случае принимающих сообществ считается, что массовая миграция провоцирует «институциональные изменения в трудоемких отраслях промышленности» [Portes 2010, p. 1548]; в случае отправляющих регионов она ведет к изменениям в их социальной структуре за счет уменьшения значения традиционных видов деятельности [Mins 1981]. Между тем современные данные о миграционных процессах демонстрируют существенное преувеличение значения миграции в качестве двигателя социальных изменений.

Для отправляющих регионов миграция и приходящие благодаря ей капиталы, как правило, не трансформируют социальную структуру, а, напротив, «укрепляют и стабилизируют существующий социально-политический порядок» [Portes 2010, p. 1551]. Для того чтобы изменения произошли, недостаточно самого факта миграции, необходимо внедрение целенаправленных инвестиционных, инфраструктурных [Castles 2009, p. 13] и производственных [Massey 1999, p. 51] правительственных программ, что происходит крайне редко. В противном случае миграция принимает «структурное значение для направляющей страны, а ее основной эффект заключается в консолидации существующей классовой структуры» [Portes 2010, p. 1551]. Кроме того, неоправданными выглядят утверждения, что увеличение числа иностранных работников приводит к снижению заработной платы местных работников [Хрусталева, Славянов 2014; DeNew, Zimmerman 1994] или что миграция станет причиной приостановки автоматизации производств на местах приема. Многочисленные исследования показывают, что отсутствие у низкоквалифицированных трудовых мигрантов образования и навыков владения языком, напротив, создают условия для восходящей мобильности низкоквалифицированных местных работников и повышения стоимости их труда [Banerjee, Duflo 2019]. Исследование А. Портеса и его коллег, анализирующее влияние миграции на темпы автоматизации производства сахарного тростника во Флориде (США), не обнаружило подобной зависимости [Lui, Portes 2020, p. 20]. В принимающих регионах следствием массовой миграции является также укрепление, а не изменение социальной структуры. Например, миграция специалистов приобретает структурное значение для развития высокотехнологичных отраслей, которые в свою очередь становятся зависимыми от притока иностранных работников физического труда [Saxenian 2006].

Таким образом, текущие исследования подтверждают, что проблема в принимающих обществах заключается не в том, что мигранты угрожают социальному и культурному порядку, а в том, что они часто остаются за его пределами, «не трансформируют его, но по разным причинам к нему не присоединяются» [Portes 2010, p. 1550]. В долгосрочной перспективе это приводит к тому, что мигранты второго поколения приспособляются к существующей классовой системе

и, не меняя ее фундаментальную структуру, просто «заполняют различные слои новыми именами и лицами» [Portes 2010, p. 1550].

Миграция для принимающих регионов так же, как и для отправляющих, в большей степени служит сохранению социально-политических структур. Она может изменить «вид и запахи города» или этнический состав пользующихся общественным транспортом, но эти трансформации происходят исключительно на уровне улиц [Kasinitz et al. 2008], то есть на уровне повседневных практик.

Миграция создает городские трущобы

Возможно, именно происходящее изменение «запахов города» служит основанием для представления, что рост трущоб в принимающих городах является прямым следствием массовой миграции⁵, при этом важной характеристикой трущоб являются бедность и/или маргинальность их обитателей.

Теории, описывающие культуру бедности, предполагают, что она является следствием институциональных условий принимающего общества, ограничивающих профессиональные и экономические возможности мигрантов [Lewis 1966]. В таком случае в трущобах в большом количестве должны были бы жить новые мигранты, а по мере адаптации к новой среде – переселяться в другие районы, однако данные показывают, что это не так. Более того, в географически локализованных поселениях живут, как правило, мигранты, имеющие определенный опыт миграционного движения и уже прошедшие этапы адаптации на новом месте. При этом вновь прибывшие мигранты, наоборот, распределяются по различным частям принимающего города, что объясняется близостью к работе, возможностью арендовать квартиры на несколько человек и т. д.

Теории, характеризующие маргинальность, напротив, определяют ее как результат личных недостатков мигрантов, которым не хватает профессиональных и социальных навыков для достижения успеха [Portes 1972, p. 278]. На первый взгляд, этот подход не противоречит современным данным о расселении новых мигрантов. Однако, предлагая рассматривать неудачи мигрантов как причину вытеснения их из городского пространства в трущобы, он подразумевает «обращение вспять стрелки географического движения» [Portes 1972, p. 278]. Иными словами, мигранты, сначала расселяясь внутри городского пространства, а затем сталкиваясь со сложностями, вытеснялись бы на периферию, а после этого и вовсе должны были бы переезжать обратно на место исхода. Однако и такая тенденция не фиксируется миграционными данными. Более того, исследования показывают, что периферийное поселение часто является областью поиска мигрантов, а не бегством или вынужденной мерой для вновь прибывших.

Факт того, что «значительные потоки трудящихся мигрантов приводят к заметной культурно-языковой концентрации в периферийных городских районах» [Portes 2010, p. 1546], как правило, является основой для обвинения их в бедности и маргинальности. В действительности, одно не является следствием другого: более убедительно выглядят объяснительные модели, описывающие географиче-

⁵ Фалалеев М. (2021) Какие угрозы несет неконтролируемая миграция (2021) // Российская газета. 12 сентября 2021 // <https://rg.ru/2021/09/12/kakie-ugrozy-neset-rossii-nekontroliruemaia-migraciia.html>, дата обращения 15.10.2023.

скую локализацию проживания мигрантов как следствие удачных адаптационных стратегий и ухода от бедности, маргинальности и делинквентного поведения, по крайней мере, в отношении первого поколения мигрантов.

Этнические анклав как препятствие интеграции мигрантов

Термин «анклав» предполагает существование на принимающей территории этнических ниш, где создаются благоприятные условия для занятости мигрантов [Castles, Collins 1989, p. 19]. Как правило, анклавность проявляется в двух видах – (1) в виде услуг и продуктов, связанных с этническими культурами (узбекские кафе, азербайджанские овощные лавки и прочее), и (2) в виде отраслей экономики, условия входа в которые являются благоприятными для новичков (булочные, кофейни, парикмахерские, строительство) [Castles, Collins 1989, p. 19]. Современный российский общественно-политический дискурс чаще всего представляет анклав как чистое зло, мешающее включению мигрантов в новое принимающее пространство: так, в тексте Концепции миграционной политики в одном ряду негативных аспектов миграции стоят «социальная исключенность мигрантов, пространственная сегрегация и формирование этнических анклавов» [Калашиников 2018, с. 105].

Между тем современные исследования демонстрируют, что первый вид анклавов, как правило, предполагает развитие транснациональные практики, которые не свойственны бедным или маргинализированным слоям населения; напротив, он привлекает к участию мигрантов с более высокими ресурсами человеческого капитала [Em, Tonomura 2019; Portes 2003, p. 886]. Второй вид экономического анклава, направленный на новичков, способен предоставить мигрантам больше возможностей для использования своего человеческого капитала, включая образование и профессиональные навыки [Portes 1981, p. 295]. В обоих случаях анклав предлагает особый способ инкорпорирования в рынок труда, вводя альтернативу вторичному рынку труда, как правило, ориентированному на мигрантов и характеризующемуся текучестью кадров, нестабильной занятостью, отсутствием профессионального роста [Piore 1979], что в действительности благоприятствует их интеграции в социальное пространство нового места, а не наоборот.

Вместе с тем отсутствуют данные о том, что и в долгосрочной перспективе (для полуторного или второго поколения мигрантов) анклавность также способствует интеграции в принимающее общество. Это связано, во-первых, с тем, что у исследователей нет уверенности, что транснациональные практики, благоприятствующие интеграции, переходят из поколения в поколение. Во-вторых, – с фиксируемыми фактами «нисходящей ассимиляции» [Portes 2010, p. 1553] детей мигрантов, в результате которой появляется и распространяется криминальная культура там, где ее раньше не существовало, [Boerman 2007] а «молодые люди становятся потерянными не только для стран происхождения или новых территорий, но и для своих семей» [Portes 2010, p. 1553].

Не акцентируясь на анклавности как интеграционной стратегии мигрантов, но предполагая анализ последствий этнического разнообразия на одной территории, лонгитюдные исследования по европейским странам [Ramos et al. 2019] обнаруживают, что оно только в краткосрочной перспективе может привести

к снижению общего благосостояния, которое со временем будет расти, в том числе за счет транснациональных практик и благоприятного влияния межгрупповых контактов.

Заключение: точки совместимости

В заключение настоящей статьи, суммируя описанные выше проблемы, свойственные диалогу науки и власти, а также принимая во внимание ряд стереотипных представлений о миграции, автор предлагает несколько важных (на его взгляд) шагов, в перспективе позволяющих повысить эффективность этого диалога и миграционной политики России в целом.

Мы полагаем, что как представителям науки, так и представителям власти необходимо согласиться с десятью суждениями.

1. Разработка и реализация государственной политики, влияющей на поток и характеристики мигрантов, является «политическим процессом, в котором конкурирующие интересы взаимодействуют в рамках бюрократической, законодательной, судебной и общественной сфер» [Massey 2007, p. 135].
2. Современную миграцию следует рассматривать как особый социальный процесс с присущей ему динамикой. Это включает два важных обстоятельства – самоподдерживающийся характер миграционных процессов и существование структурной зависимости отправляющих и принимающих стран от продолжения миграционных процессов, как только они начинаются.
3. Современная миграция, основанная на развитии социальных сетей, способна создавать свою собственную социальную структуру, которая с определенного этапа развития становится все менее зависимой от колебаний заработной платы, рецессий или ограничительной политики принимающих стран.
4. Попытки регулирования миграции должны быть основаны на понимании миграционного процесса с учетом его транснациональной сущности. Признание настоящего факта вынуждает при осуществлении регуляции принимать во внимание интересы и возможности принимающих и отправляющих регионов, а также наднациональных органов.
5. Миграционная политика влияет на значительное число сфер общественной жизни внутри национального государства. Этот факт вынуждает обратиться к пересмотру эффективности ее регулирования исключительно через специальные миграционные учреждения и рассмотреть возможность введения профильных отделов во всех заинтересованных ведомствах государственного управления, включая демографию, здравоохранение, образование, культуру, занятость и труд, финансы, социальное обеспечение.
6. Современная миграция в большей степени состоит из циркуляционных мигрантов, основной характеристикой которых является «повторяющийся миграционный опыт, включающий более одного отъезда и возвращения» [Wickramasekara 2011, p. 9]. Настоящее обстоятельство в действительности является выгодным для всех участвующих в миграционном процессе сторон. Страны назначения это обеспечивает необходимым количеством рабочей силы; страны происхождения могут извлекать выгоду от притока денежных переводов и повышения квалификации работников; для мигрантов расшире-

ние государственных программ циркуляционной миграции увеличивает возможности для безопасной и легальной миграции. Миграционная политика принимающей страны, направленная на поддержание и поощрение циркуляционной миграции, в этом случае может включать в себя ряд специально разработанных программ для сезонных работников, отдыхающих, отраслевых работников и иностранных студентов.

7. В рамках миграционной политики национальное государство обладает инструментами влияния не столько на самих мигрантов, сколько на дополнительных [Ni, Lisitsyn 2017] участников миграционного процесса, к которым относятся коммерческие посредники, волонтеры, агентства по найму, культурные организации, этнические предприятия, организации этнических меньшинств, кредитные организации. Соответственно, значительная часть труда в рамках регулятивной миграционной политики внутри государства может быть направлена на поощрение/наказание деятельности этих дополнительных участников.
8. Попытки регуляции миграции в контексте интеграции мигрантов на принимающей территории целесообразно реализовывать с учетом значимости «эффекта зависимости от предыдущих событий» (path dependence) [Wassink, Massey 2022, p. 1078]. Этот эффект предполагает, что предыдущий личный миграционный опыт, а также знание о чужом миграционном опыте влияют на выбор стратегий поведения мигрантов на принимающей территории. На практике это дает возможность государству инициировать необходимые миграционные стратегии новых мигрантов, а затем распространять их на последующих участников миграционного процесса. Примером такого рода действий со стороны регулятора могут служить существующие сегодня организационные наборы. Эффективности применения такой политики в краткосрочной перспективе наиболее целесообразно ожидать от относительно новых миграционных регионов исхода для России.
9. Реализация эффективной миграционной политики требует планомерной работы по устранению существующих проблем сбора и анализа данных о миграции внутри национальных государств, а также адаптации существующих современных инструментариев оценки и прогнозирования миграционных процессов. В частности, для пространства стран-участников СНГ оправданным выглядит адаптация методики, основанной на коэффициенте распространенности миграции (*the migration prevalence ratio*), которая позволяет рассчитать распространенность миграционного опыта в любой момент времени для конкретных регионов исхода. Это даст возможность сравнивать миграционный количественный потенциал регионов исхода по отношению к региону назначения, а также анализировать показатели разнообразия мигрантов в аспектах гендера, возраста, образования и т. п.
10. И наконец, все стороны, заинтересованные в реализации миграционной политики, должны признать миграцию частью экономической интеграции участвующих в ней регионов и воспринимать ее не как событие или акт, а как процесс, который «пронизывает жизнь отдельных людей, общин и обществ в целом» [Castles 1987a, p. 3].

Завершить настоящие рассуждения автор хотел бы небольшим добавлением, где перечисляется ряд вопросов, касающихся миграции, с обсуждением которых

чаще всего можно столкнуться, посещая ведущие профильные государственные дискуссионные площадки в России:

1. Какие программы будут эффективны для реализации задач по возвращению соотечественников?
2. Как привлечь в Россию высококвалифицированных мигрантов?
3. Какие проблемы, требующие государственного вмешательства, могут появиться при увеличении числа мигрантов второго и полторных поколений?
4. Как использовать функции профильных комитетов в регионах для реализации федеральных государственных стратегий миграционной политики РФ?
5. Какие существуют эффективные инструменты снижения негативных эффектов миграции на территории РФ (включая этническую преступность, мигрантизацию экономики и пр.)?
6. Как можно обеспечить социальное включение мигрантов в принимающее общество?
7. И наконец, поможет ли ужесточение миграционной политики РФ решению проблем нелегальной миграции, и будет ли это способствовать снижению социальной напряженности в стране?

Список источников

- Горбачевская Е.Ю. (2021) Нарративы западной и российской джентрификации: общее и особенное // Жилищные стратегии. Т. 8. № 2. С. 151–170. DOI: 10.18334/zhs.8.2.112240
- Ем Н., Tonomura М. (2019) От теории анклава к теории социального капитала: опыт нового поколения предпринимателей – корейцев СНГ // Вестник КазНУ. Серия Востоковедения. Т. 88. № 1. С. 50–65 // <https://bulletin-orientalism.kaznu.kz/index.php/1-vostok/article/view/1323>, дата обращения 15.10.2023.
- Калашников Л.И. (ред.) (2018) СНГ и современная миграционная политика. М.: Издание Государственной Думы.
- Лисицын П.П. (2024) Диалог науки и власти: от миграционной теории к миграционной политике. Часть. I: разногласье // Мир России. Т. 33. № 3. С. 6–26. DOI: 10.17323/1811-038X-2024-33-3-6-26
- Мухачев А.А., Светлаков А.Г. (2019) К вопросу о теневой экономике в сфере миграции // Экономическая безопасность. № 5 // <https://www.inesnet.ru/article/k-voprosu-o-razvitii-tenevoj-ekonomiki-v-sfere-migracii/>, дата обращения 15.10.2023.
- Овчинников В.Н. (2020) Нобелевская премия по экономике 2019 года: борьба с бедностью и эксперименты в экономике развития // Финансовый журнал. Т. 12. № 2. С. 120–131. DOI: 10.31107/2075-1990-2020-2-120-131
- Шорохова С.П. (ред.) (2019) Государственная миграционная политика Российской Федерации. М.: Институт мировых цивилизаций.
- Шустов А.В. (2020) Циркулярные миграции между Россией и странами СНГ в условиях кризиса: масштабы и последствия // Вестник РУДН. Т. 22. № 3. С. 415–427. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-3-415-427
- Хрусталев Е.Ю., Славянов А.С. (2014) Трудовая миграция и проблема инновационного развития // Труд и занятость. Т. 142. № 1. С. 79–86 // <https://cyberleninka.ru/article/n/trudovaya-migratsiya-i-problema-innovatsionnogo-razvitiya>, дата обращения 15.10.2023.

- Agunias D.R., Newland K. (2007) *Circular Migration and Development: Trends, Policy Routes and Ways Forward*. MPI Policy Brief, Washington, DC: Migration Policy Institute.
- Banerjee A., Duflo E. (2019) *Good Economics for Hard Times*, New York: Public Affairs.
- Bauman Z. (1998) *Globalization: The Human Consequences*, Cambridge: Polity.
- Boerman T. (2007) *Central American Gangs: An Overview of the Phenomenon in Latin America and the US* // *Journal of Gang Research*, vol. 15 no 1, pp. 35–52 // <https://www.ojp.gov/ncjrs/virtual-library/abstracts/central-american-gangs-overview-phenomenon-latin-america-and-us>, дата обращения 15.10.2023.
- Castles S. (1987a) *Migratory Process, Ethnic Relations and Labour Market Segmentation* // *Occasional Paper*, no 6 // <https://ro.uow.edu.au/cgi/viewcontent.cgi?article=1005&context=cmsocpapers>, дата обращения 15.10.2023.
- Castles S. (1987b) *Multiculturalism* // *Occasional Paper*, no 4 // <https://ro.uow.edu.au/cgi/viewcontent.cgi?article=1003&context=cmsocpapers>, дата обращения 15.10.2023.
- Castles S. (2009) *Development and Migration-migration and Development: What Comes First? Global Perspective and African Experiences* // *Theoria*, vol. 56, no 112, pp. 1–31. DOI: 10.3167/th.2009.5512102
- Castles S., Collins J. (1989) *Restructuring, Migrant Labour Markets and Small Business* // *Occasional Paper*, no 16 // <https://ro.uow.edu.au/cgi/viewcontent.cgi?article=1013&context=cmsocpapers>, дата обращения 15.10.2023.
- Castles S., Loughma S. (2003) *Trends in Asylum Migration to Industrialized Countries: 1999–2001* // *Wider Discussion Paper*, no 31 // <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/52954/1/369108779.pdf>, дата обращения 15.10.2023.
- Castles S., Ozkul D. (2014) *Circular Migration: Triple Win, or a New Label for Temporary Migration?* // *Global and Asian Perspectives on International Migration* (ed. Battistella G.), Springer International Publishing, pp. 27–49.
- De Haas H. (2006) *Turning the Tide? Why Development Instead of Migration Policies Are Bound to Fail* // *IMI Working Paper*, no 2, Oxford: International Migration Institute.
- DeNew J.P., Zimmermann K.F. (1994) *Native Wage Impacts of Foreign Labor: A Random Effects Panel Analysis* // *Journal of Population Economics*, vol. 7, no 2, pp. 177–192. DOI: 10.1007/BF00173618
- Kasinitz P., Mollenkopf J.H., Waters M.C., Holdaway J. (2008) *Inheriting the City: The Children of Immigrants Coming of Age*, New York: Russell Sage Foundation.
- Lewis A. (1956) *The Theory of Economic Growth*, London (edit. 2003).
- Lewis O. (1966) *The Culture of Poverty* // *Scientific American*, vol. 215, pp. 19–25. DOI: 10.1038/scientificamerican1066-19
- Liu L., Portes A. (2020) *Immigration and Robots: Is the Absence of Immigrants Linked to the Rise of Automation?* // *Ethnic and Racial Studies*, vol. 44, no 15, pp. 1–29. DOI: 10.1080/01419870.2020.1849757
- MacDonald J.S., MacDonald L.D. (1974) *Chain Migration, Ethnic Neighborhood Formation, and Social Networks. An Urban World*, Boston: Little Brown.
- Massey D. (1990) *The Social and Economic Origins of Immigration* // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, vol. 510, pp. 60–72 // <https://u.demog.berkeley.edu/~jrw/Biblio/Eprints/%20M-O/massey.1990.pdf>, дата обращения 15.10.2023.
- Massey D. (2004) *Social and Economic Aspects of Immigration* // *New York Academy of Sciences*, vol. 1038, pp. 206–212. DOI: 10.1196/annals.1315.028
- Massey D. (2007) *Toward a Comprehensive Model of International Migration. Migration and Development* // *Collection of Papers of International Conference Migration and Development*, Moscow, pp. 127–149.
- Massey D. (1999) *Why Does Immigration Occur! A Theoretical Synthesis* // *The Handbook of International Migration: The American Experience*, pp. 34–52 // https://eportfolios.macaulay.cuny.edu/pony2014shama/files/2014/02/Kaczmarczyk_Reading-1.pdf, дата обращения 15.10.2023.

- Massey D., Akresh I. (2006) Immigrant Intentions and Mobility in a Global Economy: The Attitudes and Behavior of Recently Arrived U.S. Immigrants // *Social Science Quarterly*, vol. 87, pp. 954–971. DOI: 10.1111/j.1540-6237.2006.00410.x
- Massey D., Zenteno R. (1999) The Dynamics of Mass Migration // *Proceedings of the National Academy of Sciences USA*, vol. 96, no 9, pp. 5328–5335. DOI: 10.1073/pnas.96.9.5328
- Meehan T.D., Saunders S.P., DeLuca W.V. et al. (2022) Integrating Data Types to Estimate Spatial Patterns of Avian Migration across the Western Hemisphere // *Ecological Applications*, vol. 32, no 7, pp. e2679. DOI: 10.1002/eap.2679
- Mins R. (1981) *Developing and Community Tradition of Migration: A Field Study in Rural Zacatecas, Mexico and California Settlement Arias, San-Diego*: University of California.
- Ni M., Lisitsyn P.P. (2017) Interactional Lenses for Contemporary Migration Studies: The Case of the Cosmopolitan Sociability Concept // *Russian Sociological Review*, vol. 16, no 4, pp. 87–104. DOI: 10.17323/1728-192X-2017-4-87-104
- Piore M.J. (1979) *Birds of Passage: Migrant Labor and Industrial Societies*, Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Portes A. (1972) Rationality in the Slum: An Essay on Interpretive Sociology // *Comparative Studies in Society and History*, vol. 3, no 14, pp. 268–286. DOI: 10.1017/S001041750000668X
- Portes A. (1981) 13 Modes of Structural Incorporation and Present Theories of Labor Immigration // *International Migration Review*, vol. 1, no 15, pp. 279–297. DOI: 10.1177/019791838101501s15
- Portes A. (2003) Conclusion: Theoretical Convergencies and Empirical Evidence in the Study of Immigrant Transnationalism // *International Migration Review*, vol. 3, no 37, pp. 874–892. DOI: 10.1111/j.1747-7379.2003.tb00161.x
- Portes A. (2010) Migration and Social Change: Some Conceptual Reflections // *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 10, no 36, pp. 1537–1563 // <https://www.migrationinstitute.org/files/events/portes.pdf>, дата обращения 15.10.2023.
- Ramos M., Bennett R., Massey D., Hewstone M. (2019) Humans Adapt to Social Diversity over Time // *Proceedings of the National Academy of Sciences*, vol. 116, no 25, pp. 12244–12249. DOI: 10.1073/pnas.1818884116
- Rouse R.C. (1992) Making Sense of Settlement: Class Transformation, Cultural Struggle and Transnationalism among Mexican Migrants in the US // *Annals of the NY Academy of Science*, no 645, pp. 25–52. DOI: 10.1111/j.1749-6632.1992.tb33485.x
- Saxenian A. (2006) *The New Argonauts: Regional Advantage in a Global Economy*, Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Smith M. (2017) Leave Voters Are Less Likely to Trust Any Experts – Even Weather Forecasters // *YouGov.co.uk* // <https://yougov.co.uk/topics/politics/articles-reports/2017/02/17/leave-voters-are-less-likely-trust-any-experts-eve>, дата обращения 15.10.2023.
- Stark O., Bloom D. (1985) The New Economics of Labor Migration // *The American Economic Review*, vol. 75, no 2, pp. 173–178 // <https://www.semanticscholar.org/paper/The-new-economics-of-labor-migration-Stark-Bloom/63dd904d64b11a20400309e54d0c14d687ccee026>, дата обращения 15.10.2023.
- Stouffer S.A. (1940) Intervening Opportunities: A Theory Relating Mobility and Distance // *American Sociological Review*, vol. 5, no 6, pp. 845–867. DOI: 10.2307/2084520
- Wassink J., Massey D. (2022) The New System of Mexican Migration: The Role of Entry Mode-Specific Human and Social Capital // *Demography*, vol. 59, no 3, pp. 1071–1092. DOI: 10.1215/00703370-9938548
- Wickramasekara P. (2011) *Circular Migration: A Triple Win or a Dead End?* // *Global Union Research Network*, Geneva: International Labour Office.
- Woodruff Ch., Zenteno R. (2007) Migration Networks and Microenterprises in Mexico // *Journal of Development Economics*, vol. 82, no 2, pp. 509–528. DOI: 10.1016/j.jdeveco.2006.03.006

Zenteno R., Suro R. (2021) Recession versus Removals: Which Finished Mexican Unauthorized Migration? // The Trump Paradox. Migration, Trade, and Racial Politics in US-Mexico Integration, University of California Press, pp. 63–77. DOI: 10.2307/j.ctv1h9dksg.10

From Migration Theory to Migration Policy: Problems and Solutions. Part II: Solutions

P.P. LISITSYN*

***Pavel P. Lisitsyn** – PhD in Sociology, Associate Professor of Comparative Sociology Chair, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, fox_sociology@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8617-5730>

Citation: Lisitsyn P.P. (2024) From Migration Theory to Migration Policy: Problems and Solutions. Part II: Solutions. *Mir Rossii*, vol. 33, no 4, pp. 6–22 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2024-33-4-6-22

Abstract

This paper continues the argumentation presented in issue No. 3, 2024 of this journal. The author examines myths and stereotypes about migration and migration policy, focusing on the challenges in the dialogue between science and government. The analysis is grounded in the theoretical and methodological frameworks developed by Portes, Castles, Massey, Glick-Schiller, and Sassen. The text aims to present an alternative understanding of the migration process and migration policy; contrasting with the dominant perspective in current Russian politics, which is based on ideas from the late 20th century as described by Todaro, Stark, Piore, and their Russian followers. The complete study, presented in the previous and current issues of the journal, introduces readers to the factors influencing the quality of dialogue between researchers and authorities and concludes with ten proposals to enhance the dialogue's effectiveness.

Keywords: migration, migration policy, circulation migration, migration prevalence ratio, path dependence, myths and stereotypes about migration

References

Agunias D.R., Newland K. (2007) *Circular Migration and Development: Trends, Policy Routes and Ways Forward*. MPI Policy Brief, Washington, DC: Migration Policy Institute.

This article was prepared within research project № 24-28-00467 Russian Science Foundation (RSF), <https://rscf.ru/en/project/24-28-00467/>

The article was published as part of the HSE University project “University Partnership”, to support publications by authors of Russian educational and scientific organizations.

The article was received in July 2023.

- Banerjee A., Duflo E. (2019) *Good Economics for Hard Times*, New York: Public Affairs.
- Bauman Z. (1998) *Globalization: The Human Consequences*, Cambridge: Polity.
- Boerman T. (2007) Central American Gangs: An Overview of the Phenomenon in Latin America and the US. *Journal of Gang Research*, vol. 15 no 1, pp. 35–52. Available at: <https://www.ojp.gov/ncjrs/virtual-library/abstracts/central-american-gangs-overview-phenomenon-latin-america-and-us>, accessed 15.10.2023.
- Castles S. (1987a) Migratory Process, Ethnic Relations and Labour Market Segmentation. *Occasional Paper*, no 6. Available at: <https://ro.uow.edu.au/cgi/viewcontent.cgi?article=1005&context=cmsocpapers>, accessed 15.10.2023.
- Castles S. (1987b) Multiculturalism. *Occasional Paper*, no 4. Available at: <https://ro.uow.edu.au/cgi/viewcontent.cgi?article=1003&context=cmsocpapers>, accessed 15.10.2023.
- Castles S. (2009) Development and Migration-migration and Development: What Comes First? Global Perspective and African Experiences. *Theoria*, vol. 56, no 112, pp. 1–31. DOI: 10.3167/th.2009.5512102
- Castles S., Collins J. (1989) Restructuring, Migrant Labour Markets and Small Business. *Occasional Paper*, no 16. Available at: <https://ro.uow.edu.au/cgi/viewcontent.cgi?article=1013&context=cmsocpapers>, accessed 15.10.2023.
- Castles S., Loughma S. (2003) Trends in Asylum Migration to Industrialized Countries: 1999–2001. *Wider Discussion Paper*, no 31. Available at: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/52954/1/369108779.pdf>, accessed 15.10.2023.
- Castles S., Ozkul D. (2014) Circular Migration: Triple Win, or a New Label for Temporary Migration? *Global and Asian Perspectives on International Migration* (ed. Battistella G.), Springer International Publishing, pp. 27–49.
- De Haas H. (2006) Turning the Tide? Why Development Instead of Migration Policies Are Bound to Fail. *IMI Working Paper*, no 2, Oxford: International Migration Institute.
- DeNew J.P., Zimmermann K.F. (1994) Native Wage Impacts of Foreign Labor: A Random Effects Panel Analysis. *Journal of Population Economics*, vol. 7, no 2, pp. 177–192. DOI: 10.1007/BF00173618
- Gorbachevskaya E.Yu. (2021) Narratives of Western and Russian Gentrification: General and Special. *Housing Strategies*, vol. 8, no 2, pp. 151–170 (in Russian). DOI: 10.18334/zhs.8.2.112240
- Kalashnikov L.I. (ed.) (2018) *CIS and Modern Migration Policy*, Moscow: Publication of the State Duma (in Russian).
- Kasinitz P., Mollenkopf J.H., Waters M.C., Holdaway J. (2008) *Inheriting the City: The Children of Immigrants Coming of Age*, New York: Russell Sage Foundation.
- Khrustalev E.Yu., Slavyanov A.S. (2014) Labor Migration and the Problem of Innovative Development. *Labor and Employment*, vol. 142, no 1, pp. 79–86. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/trudovaya-migratsiya-i-problema-innovatsionnogo-razvitiya>, accessed 15.10.2023 (in Russian).
- Lewis A. (1956) *The Theory of Economic Growth*, London (edit. 2003).
- Lewis O. (1966) The Culture of Poverty. *Scientific American*, vol. 215, pp. 19–25. DOI: 10.1038/scientificamerican1066-19
- Lisitsyn P.P. (2024) From Migration Theory to Migration Policy: Problems and Solutions. Part 1: Problems. *Mir Rossii*, vol. 33, no 3, pp. 6–26 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2024-33-3-6-26
- Liu L., Portes A. (2020) Immigration and Robots: Is the Absence of Immigrants Linked to the Rise of Automation? *Ethnic and Racial Studies*, vol. 44, no 15, pp. 1–29. DOI: 10.1080/01419870.2020.1849757
- MacDonald J.S., MacDonald L.D. (1974) *Chain Migration, Ethnic Neighborhood Formation, and Social Networks. An Urban World*, Boston: Little Brown.

- Massey D. (1990) The Social and Economic Origins of Immigration. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, vol. 510, pp. 60–72. Available at: <https://u.demog.berkeley.edu/~jrw/Biblio/Eprints/%20M-O/massey.1990.pdf>, accessed 15.10.2023.
- Massey D. (2004) Social and Economic Aspects of Immigration. *New York Academy of Sciences*, vol. 1038, pp. 206–212. DOI: 10.1196/annals.1315.028
- Massey D. (2007) Toward a Comprehensive Model of International Migration. Migration and Development. *Collection of Papers of International Conference Migration and Development*, Moscow, pp. 127–149.
- Massey D. (1999) Why Does Immigration Occur! A Theoretical Synthesis. *The Handbook of International Migration: The American Experience*, pp. 34–52. Available at: https://eportfolios.macaulay.cuny.edu/pony2014shama/files/2014/02/Kaczmarczyk_Reading-1.pdf, accessed 15.10.2023.
- Massey D., Akresh I. (2006) Immigrant Intentions and Mobility in a Global Economy: The Attitudes and Behavior of Recently Arrived U.S. Immigrants. *Social Science Quarterly*, vol. 87, pp. 954–971. DOI: 10.1111/j.1540-6237.2006.00410.x
- Massey D., Zenteno R. (1999) The Dynamics of Mass Migration. *Proceedings of the National Academy of Sciences USA*, vol. 96, no 9, pp. 5328–5335. DOI: 10.1073/pnas.96.9.5328
- Meehan T.D., Saunders S.P., DeLuca W.V. et al. (2022) Integrating Data Types to Estimate Spatial Patterns of Avian Migration across the Western Hemisphere. *Ecological Applications*, vol. 32, no 7, pp. e2679. DOI: 10.1002/eap.2679
- Mins R. (1981) *Developing and Community Tradition of Migration: A Field Study in Rural Zacatecas, Mexico and California Settlement Arias*, San-Diego: University of California.
- Mukhachev A.A., Svetlakov A.G. (2019) On the Issue of the Shadow Economy in the Field of Migration. *Economic Security*, no 5. Available at: <https://www.inesnet.ru/article/k-voprosu-o-razvitii-tenevoj-ekonomiki-v-sfere-migracii/>, accessed 15.10.2023 (in Russian).
- Ni M., Lisitsyn P.P. (2017) Interactional Lenses for Contemporary Migration Studies: The Case of the Cosmopolitan Sociability Concept. *Russian Sociological Review*, vol. 16, no 4, pp. 87–104. DOI: 10.17323/1728-192X-2017-4-87-104
- Ovchinnikov V.N. (2020) Nobel Prize in Economics 2019: The Fight against Poverty and Experiments in the Economics of Development. *Financial Journal*, vol. 12, no 2, pp. 120–131 (in Russian). DOI: 10.31107/2075-1990-2020-2-120-131
- Piore M.J. (1979) *Birds of Passage: Migrant Labor and Industrial Societies*, Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Portes A. (1972) Rationality in the Slum: An Essay on Interpretive Sociology. *Comparative Studies in Society and History*, vol. 3, no 14, pp. 268–286. DOI: 10.1017/S001041750000668X
- Portes A. (1981) 13 Modes of Structural Incorporation and Present Theories of Labor Immigration. *International Migration Review*, vol. 1, no 15, pp. 279–297. DOI: 10.1177/019791838101501s15
- Portes A. (2003) Conclusion: Theoretical Convergencies and Empirical Evidence in the Study of Immigrant Transnationalism. *International Migration Review*, vol. 3, no 37, pp. 874–892. DOI: 10.1111/j.1747-7379.2003.tb00161.x
- Portes A. (2010) Migration and Social Change: Some Conceptual Reflections. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 10, no 36, pp. 1537–1563. Available at: <https://www.migrationinstitute.org/files/events/portes.pdf>, accessed 15.10.2023.
- Ramos M., Bennett R., Massey D., Hewstone M. (2019) Humans Adapt to Social Diversity over Time. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, vol. 116, no 25, pp. 12244–12249. DOI: 10.1073/pnas.1818884116
- Rouse R.C. (1992) Making Sense of Settlement: Class Transformation, Cultural Struggle and Transnationalism among Mexican Migrants I the US. *Annals of the NY Academy of Science*, no 645, pp. 25–52. DOI: 10.1111/j.1749-6632.1992.tb33485.x
- Saxenian A. (2006) *The New Argonauts: Regional Advantage in a Global Economy*, Cambridge, MA: Harvard University Press.

- Shorokhova S.P. (ed.) (2019) *State Migration Policy of the Russian Federation*, Moscow: Institute of World Civilizations (in Russian).
- Shustov A.V. (2020) Circular Migrations between Russia and the CIS Countries in a Crisis: Scale and Consequences. *Vestnik RUDN*, vol. 22, no 3, pp. 415–427 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-3-415-427
- Smith M. (2017) Leave Voters Are Less Likely to Trust Any Experts – Even Weather Forecasters. *YouGov.co.uk*. Available at: <https://yougov.co.uk/topics/politics/articles-reports/2017/02/17/leave-voters-are-less-likely-trust-any-experts-eve>, accessed 15.10.2023.
- Stark O., Bloom D. (1985) The New Economics of Labor Migration. *The American Economic Review*, vol. 75, no 2, pp. 173–178. Available at: <https://www.semanticscholar.org/paper/The-new-economics-of-labor-migration-Stark-Bloom/63dd904d64b11a20400309e54d0c14d687cce026>, accessed 15.10.2023.
- Stouffer S.A. (1940) Intervening Opportunities: A Theory Relating Mobility and Distance. *American Sociological Review*, vol. 5, no 6, pp. 845–867. DOI: 10.2307/2084520
- Wassink J., Massey D. (2022) The New System of Mexican Migration: The Role of Entry Mode-Specific Human and Social Capital. *Demography*, vol. 59, no 3, pp. 1071–1092. DOI: 10.1215/00703370-9938548
- Wickramasekara P. (2011) Circular Migration: A Triple Win or a Dead End? *Global Union Research Network*, Geneva: International Labour Office.
- Woodruff Ch., Zenteno R. (2007) Migration Networks and Microenterprises in Mexico. *Journal of Development Economics*, vol. 82, no 2, pp. 509–528. DOI: 10.1016/j.jdeveco.2006.03.006
- Yem N., Tonomura M. (2019) From the Enclave Theory to the Theory of Social Capital: Experience the Next Generation of Entrepreneurs-Koreans Cis. *Journal of Oriental Studies*, vol. 88, no 1, pp. 50–65. Available at: <https://bulletin-orientalism.kaznu.kz/index.php/1-vostok/article/view/1323>, accessed 15.10.2023 (in Russian).
- Zenteno R., Suro R. (2021) Recession versus Removals: Which Finished Mexican Unauthorized Migration? *The Trump Paradox. Migration, Trade, and Racial Politics in US-Mexico Integration*, University of California Press, pp. 63–77. DOI: 10.2307/j.ctv1h9dksg.10